

Л. Ф. Маркианова, Суффиксальное глагольное словообразование в карельском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Петрозаводск 1980.

19 января 1981 г. в Тартуском государственном университете на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук состоялась защита кандидатской диссертации младшим научным сотрудником Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР Л. Ф. Маркиановой по теме «Суффиксальное глагольное словообразование в карельском языке». Официальными оппонентами выступали доктор филологических наук профессор П. Алвре (Тарту) и кандидат филологических наук В. С. Суханова (Петрозаводск).

Работа Л. Ф. Маркиановой (с приложениями 272 машинописные страницы) состоит из введения, двух глав и заключения. Об актуальности темы свидетельствует обстоятельство, что рассматриваемая проблематика на уровне монографии до сих пор не исследовалась. Правда, в отдельных работах затрагивались вопросы словообразования карельского языка. Автор поставила своей целью дать описание словообразовательной системы глагола карельского языка. Это предполагает решение двух основных задач: 1) охарактеризовать глаголообразующие суффиксы как самостоятельные морфемы и 2) выявить закономерности, по которым они присоединяются к производящей основе в процессе образования новых лексических единиц. Материал для анализа частично почерпнут из текстов и исследований по карельскому языку (публиковавшихся с 1872 г.), но обширная и наиболее ценная часть материала собрана автором во время лингвистических экспедиций в 1975—1979 гг.

Наряду с новизной материала необходимо подчеркнуть новизну результатов исследования. Практически впервые выявляются глаголообразовательные модели карельского языка, рассматриваются сочетаемостные способности и возможности словообразовательных суффиксов, а также вопросы словообразовательной морфологии. Структура основных раз-

делов работы определена решением этих проблем и целесообразна.

Основной метод исследования — синхронное описание, но используется и сравнительный метод, прежде всего там, где языковые явления даются в сопоставлении с таковыми в родственных языках. Сочетание этих методов себя полностью оправдывает, ибо делает возможным более глубокое и разностороннее описание карельских глаголов. Анализ проведен логически последовательно, поэтому не возникает сомнения в достоверности основных результатов исследования.

Вне всякого сомнения велика научная и практическая ценность работы, богатой по содержанию и безупречно оформленной. Результаты ее весьма существенны для изучения словообразования прибалтийско-финских языков в целом, в первую очередь при составлении научной грамматики карельского языка, а также при сопоставительном исследовании и преподавании карельского, вепсского, финского и саамского языков. Это проблемы, с которыми, кроме Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, сталкиваются исследователи, работающие в Ленинграде, Тарту, Таллине и других центрах исследования финно-угорских языков.

Автор работы, по национальности карелка, прекрасно знает тонкости родного языка и безупречно ориентируется в исследуемой проблематике.

Во введении, кроме теоретического обзора проблематики, связанной со словообразованием, рассматривается история изучения суффиксального глаголообразования в карельском языке. Имеющиеся исследования о суффиксах как карельского, так и других финно-угорских языков в целом имеют диахронический характер. Поэтому необходимо особо отметить синхронный метод исследования, примененный Л. Ф. Маркиановой, которым она пользуется мастерски. Сравнивая ее работу с другими иссле-

дованиями, использовавшими этот метод (напр., М. И. Зайцева, Суффиксальное глагольное словообразование в вепском языке, Ленинград 1978), находим ряд новых моментов, способствующих более основательному и многостороннему раскрытию сущности деривации глаголов.

С помощью метаязыка в первой главе наглядно даны все структурные модели глаголообразующих суффиксов (всего 41). В структурном отношении они распределяются по 12 моделям — от V до CCVCCVCV. В карельском языке вообще бросается в глаза обилие сложных суффиксов (*-hutta-*, *-lehti-*, *-ndele-*, *-ttele-* и др.). Большую и благодарную работу автор проделала, вывев порядки расположения и сочетаемость глаголообразующих суффиксов. Оказывается, каждый элемент производного глагола имеет свое определенное место или порядок и каждый порядок имеет определенное значение. Можно согласиться и с более детальными правилами, выведенными Л. Ф. Маркиановой отдельно для каждой из четырех групп суффиксов I порядка: в одном производном не могут сочетаться суффикс транспонирующий (т. е. переводящий основу из одного грамматического класса в другой) и какой-либо нетранспонирующий суффикс I порядка. Порядок следования суффиксов меняться не может, но в каждом конкретном производном глаголе может отсутствовать суффикс того или иного порядка. Комбинаторные возможности словообразующих суффиксов представлены в таблице (с. 209—211). Всего в диссертации шесть таблиц; по возможности в них приводятся и статистические данные. Последние особенно ценны для обобщающих работ, ведь словообразование прибалтийско-финских языков еще ждет своего исследователя. Помещение таблиц в приложение несколько спорно, так как более естественно было бы их расположение в соответствующем разделе работы. Хотелось бы видеть еще одну таблицу — о распределении суффиксов в трех основных диалектах карельского языка, так как сейчас в работе значительно преобладает материал ливвиковского диалекта, родного для автора.

С точки зрения семантики глаголо-

образующие суффиксы разделены на суффиксы неоглагольных глаголов и суффиксы оглагольных глаголов. Такое деление традиционно и несомненно целесообразно. Подразделение суффиксов по их основной семантике (фактивные, эссивные, транслативные и т. д.) не вызывает возражений. Представляется сомнительной точка зрения автора о том, что возвратно-транслативный суффикс *-hu-* (*-hü-*), о котором говорится, напр., на с. 72, 190 и т. д., возник в период самостоятельного развития карельского языка. Карельский глагольный тип *lek-kahu-* (*lekkaahu* 'двигаться поменьше') имеет прямое соответствие в финском языке, что рецензент имел возможность наблюдать в финских деревнях Ленинградской области, напр. *pettehö-* (*pette-hüssä* 'разочароваться' (см. P. Alvre, Paarist refleksiiv-translatiivsete verbide segatüübist (Leningradi oblasti soomlastel) — ESA 1972, с. 199 и след.). Суффикс на *-hu-* (*-hü-*) зарегистрирован и в других диалектах финского языка. Об этом см. T. Itkonen, *Muotoopin keruuopas*, Helsinki 1969, с. 71 и след. (в работе Л. Ф. Маркиановой не использована).

Во второй главе описывается функционирование каждого глаголообразующего суффикса в современном карельском языке (суффиксы как морфемы рассматривались в первой главе). При описании конкретной словообразовательной модели указывается, какие глаголы с точки зрения семантики производятся по данной модели, от каких производящих основ, с какими морфологическими явлениями на стыках морфем и каковы продуктивность и регулярность каждой модели. Анализ систематичен: каждый суффикс прослеживается в своей группе (порядки I—IV), учитывается конечный гласный основы слова, к которому присоединяется суффикс и т. д. Классификация основ дается прежде всего по частям речи. По мере необходимости здесь синхронное рассмотрение переплетается с диахронным. Богатый набор примеров подтверждает точки зрения автора.

Иногда все же не хватает дополнительных комментариев. В некоторых случаях недостаточно убедительно разграничение суффиксов *-itta* и *-tta* (см. с. 122 и след., 143 и след.). Значение

обоих при адъективной основе фактивно, ср. *paha-* 'плохой' → *pahoitta-* (*pahoittua* 'портить, хулить') и *pehmi-* 'мягкий' → *pehmittä-* (*pehmittiä* 'делать мягким'). В первом случае выделен суффикс *-itta*, во втором — *-ittä*, как если бы *i* в глаголе *pehmittä-* относился к основе слова. На самом же деле это не так, на что указывает людиновское прилагательное *pehmedä-* 'мягкий'. Следовательно, критерии дифференциации *-itta* и *-ttä* нуждаются в более подробном разъяснении. Вопросы возникают и в связи с глаголами *oŋgitta-* (*oŋgittua* 'удить') и *kuoritta-* (*kuorittua* 'окорять'). Оттенки значения здесь различны, но основа деривации одна: первоначальные существительные с основой на *-e*, от которых посредством суффикса *-i* образо-

вались глаголы *oŋgie* и *kuorie* (ср. фин. *onkia* 'удить' и *kuoria* 'окорять') и лишь затем — посредством присоединения *-tta-* — глаголы приобрели современный вид. Следовательно, с точки зрения истории языка здесь непосредственной основой деривации является глагол, но никак не существительное. В подобных случаях между синхроническим и диахроническим анализами не должно быть разрыва.

Таких сомнительных или дискуссионных моментов все же в исследовании немного. Детально обработано оно и технически, имеются лишь немногие неточности в тексте, а также в заглавиях использованных работ.

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту)

В. А. Черных, Глагольное словообразование в коми языке.
Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1981.

Die Verbalbildung hat man schon gründlich in vielen finnisch-ugrischen Sprachen erforscht. Es sind Monographien über die wepsischen und ostjakischen Verbalsuffixe herausgegeben und Dissertationen zur Verbalderivation des Mordwinischen, Tscheremissischen, Livischen und Karelischen verteidigt worden. Die Aufzählung kann jetzt durch die Kandidatendissertation «Die Verbalbildung im Syrjänischen» von V. Cernych, die sie am 23. Februar 1981 an der Universität Tartu erfolgreich verteidigte, ergänzt werden. Diese Dissertation wurde unter Anleitung von Prof. A. Künnap fertiggestellt, als offizielle Opponenten fungierten Prof. D. Cygankin, Dr. phil. G. Kert und cand. phil. A.-R. Hausenberg.

Zum gleichen Thema veröffentlichte M. Kneisl 1978 in München die Forschungsarbeit «Die Verbalbildung im Syrjänischen», deren Vorzug in der Übersichtlichkeit liegt, die aber in bezug auf die Problembehandlung weniger tiefgründig ist als die Arbeit von V. Cernych. M. Kneisl geht von den in den drei Wörterbüchern (Fokos-Fuchs, Wichmann-Uotila und «Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов») registrierten Ableitungen aus; die traditionelle Klassifizierung der Suffixe

wird dargeboten und auf der Grundlage der Wörterbuchbedeutungen Grundfunktionen des Suffixes festgelegt. M. Kneisl behandelt flüchtig auch die denominalen Verben ohne Ableitungssuffix, auf die V. Cernych nicht eingegangen ist — in allem anderen ist aber die Forschungsarbeit, die hier besprochen werden soll, faktenreicher und gründlicher. Als Quellenmaterial nutzte V. Cernych sowohl gegenwärtige als auch aus dem vergangenen Jahrhundert stammende Wörterbücher, Manuskripte aus dem Archiv der Komi Filiale der Akademie der Wissenschaften der UdSSR und falls erforderlich auch Texte der schöngeistigen Literatur. Die Autorin stellte sich als Ziel die Verbalsuffixe des Syrjänischen zu identifizieren, deren Semantik zu bestimmen, die Herkunft zu erklären und auch sich anbahnende Entwicklungstendenzen im heutigen Ableitungssystem zu deuten.

In der Einleitung schätzt V. Cernych die früheren die Verbalbildung des Syrjänischen behandelnden Arbeiten ein und begründet die Art und Weise ihres Vorgehens bei der Problembehandlung. Im Unterschied zum Gebräuchlichen klassifiziert sie die Suffixe in primäre und sekundäre: als primäre betrachtet sie sowohl